

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ⁵

Львов А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: a.lvov@spbu.ru

Историки философии нередко сталкиваются с актуальной политической или резонансной общественной повесткой дня. Хотя их исследования, на первый взгляд, носят достаточно специальный характер, именно историки философии нередко оказываются на передовой актуальных вызовов в современном гуманитарном знании. В предлагаемой статье мы покажем, что историография истории философии, то есть рефлексия третьего порядка, открывает для нас новый ракурс классической школьной проблемы, а именно, что человек, мыслящий исторически, не столько обозначает проблемы современности стремлением ее переоценить, сколько поступком своей исторически обоснованной мысли на самом деле изменяет ее. Для нас важно понять, какие методологические стратегии разрабатывают сегодня историки философии, насколько вовлечены они оказываются в обсуждение актуальных общественных, политических и культурных проблем и какой предложенный ими критический инструментариум востребован в общественных науках. Также историко-философские исследования позволяют зафиксировать становление и развитие потребности к самосознанию у региональных культур: в статье мы исследуем случай, характерный для аналитической традиции, критики полезности историко-философских штудий в самостоятельном философствовании. Историко-философский подход выполняет функцию инструмента понимания (Verständnis) и выявления сходств и различий, что позволяет преодолеть присущий новоевропейской традиции европоцентризм. Таким образом, история философии, историография оказывается способом признания разнообразия в исследованиях парадигмальных особенностей и различий – наряду с антропологией.

В трудах историков философии мы можем почерпнуть методологический инструментариум для продуманных, весомых высказываний, артикуляция которых в современном наэлектризованном информационном пространстве оказывается сопоставимым с реальной социальной практикой. В сфере же гуманитарных наук критический контекст истории философии позволяет преодолеть ангажированность философа, и найти убедительные ответы на социально-политические вызовы. Помимо прочего, мы выявляем антропологический аспект историко-философского ремесла, который вскрывает проблемы тех условий новоевропейского самосознания, в рамках которых рефлексия третьего порядка оказывается возможной и плодотворной.

Ключевые слова: историки философии, антропологические исследования, вызовы в гуманитарном знании, социо-политический контекст истории философии, критический контекст истории философии, антиисторизм в аналитической философии, европоцентризм.

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01440 «Антропологическое измерение истории философии» по Гранту Российского научного фонда). This research was supported by a Grant from the Russian Science Foundation (project 17–18–01440 «Anthropological Dimension of the History of Philosophy»).

Введение. Постановка проблемы

Вполне закономерно, что деятельность историков философии коррелирует с актуальной общественной и политической повесткой дня. С одной стороны, это обуславливается «экспертным характером» их деятельности: историк философии всегда оказывается в своих изысканиях связан с особым рода информацией, которая по большей части и обеспечивает научность статусу философии в системе гуманитарного знания и образования. С другой же стороны, история философии никогда не работает с отвлеченными, чисто историческими вопросами, которые не имели бы никакого отношения к настоящему – напротив, именно в историко-философском контексте принято ставить и обсуждать проблемы самосознания профессионального философа, того особого типа исследователя-гуманитария, который последовательно складывался, начиная с середины XVII века. В этом отношении логика развития рефлексии над историей философии чрезвычайно похожа на логику развития и становления рефлексии над историей науки как таковой – подобные попытки историографических исследований «третьего порядка» своего собственного внутридисциплинарного опыта начались сравнительно недавно⁶.

Как и любая исследовательская деятельность в естественнонаучной или гуманитарной сфере, история философии неизбежно сталкивается с идеологическими или социально-политическими вызовами, ответы на которые ищут и предлагают в том числе и историки философии. История мысли традиционно является неотъемлемой частью собственно философской деятельности, и нередко экспертные мнения или попытка объективной оценки сложившегося положения дел от «нормального» (в терминах Т. Куна) историка философии приобретают статус аналитики современности, то есть чисто философского акта. Показательно, что в XX столетии именно фигура историка – науки ли, философии ли или в смысле Дж. Вико исследователя *res gestae*, [3, с. 13] гражданского историка – вышла на передовую гуманитарного знания. Это во многом было связано с переоценкой накопленного наукой и культурой опыта, а кроме того, с требованием обоснования нового, исторического измерения мысли как уникального творческого, мировоззренческого события. Поэтому тенденции, которые только обозначились в работах В. Дильтея, М. Хайдеггера, Р. Дж. Коллингвуда и многих других авторов начала прошлого века уже на пороге третьего тысячелетия воспринимаются как нечто само собой разумеющееся: историческое исследование позволяет сформировать наше адекватное понимание (*Verständnis*, как называл это Дильтей) тех проблем и процессов, которые имеют место в настоящем. Таким образом, именно в исторической (в широком смысле) перспективе современность выступает как проблема.

⁶ Наиболее замечательным примером здесь, пожалуй, является исследование [1]; оригинальное итальянское издание – в пяти томах; об истории науки см. [2, с. 8].

Помимо проблематизации современности историко-философское знание оказалось удобным пространством для проведения различными исследователями «мысленных экспериментов», более близких к практическим сферам общественных наук: политике, социологии, гендерным исследованиям и др. Для примера можно привести работы Х. Фрайера, сосредоточившего свое внимание на фигуре творца современной политтехнологии Никколо Макиавелли [4] или Л. Альтюссера, посвященные деятелям эпохи Просвещения [5]. Парадоксальным образом под личиной этих исторических исследований обнаруживаются оригинальные социальные и политические идеи их творцов [см. 6; 7].

Таким образом, историография истории философии – рефлексия третьего порядка, или антропологический аспект историко-философских исследований – открывает для нас новый ракурс этой, казалось бы, школьной проблемы: человек, мыслящий исторически, не столько переоценивает, проблематизирует современность, сколько изменяет ее поступком своей исторически обоснованной мысли. Яркие представители этого стиля в современной философии как раз мыслят не историей, а саму историю – как это вслед за Ф. Ницше начал делать М. Фуко [8; 9]. Эстафету интенсивного переосмысления актуальной политической ситуации приняли от него Дж. Агамбен, А. Негри, А. Бадью, также активно использующие в своей работе материал и методы истории философии [см.: 10, с. 527–532; 11]. Однако мы понимаем, что эти и многие другие авторы не являются профессиональными историками мысли, а только пользуются разработками своих коллег по смежной философской дисциплине. В связи с этим нам интересно исследовать тот инструментарий, который историки философии приобрели и выработали в процессе своих профессиональных штудий, позволивший перевернуть представление об истории философии как материале философского исследования и трактовать его как орудие актуального философствования.

1

Казалось бы, такая камерная и сугубо научно ориентированная область знания, как история мысли, сыграла одну из ведущих ролей в осуществлении столь радикального поворота в новоевропейском сознании, как отказ от европоцентризма. Благодаря разработанным именно историками философии методам и подходам, прежде всего компаративному подходу, современные мыслители могут продуктивно преодолевать этот сложившийся стереотип прежнего академического философствования. Причем сама проблема европоцентризма ставится уже не в отношении только пространственно-временных характеристик, т. е. условий доминирования Европы в истории мысли или вообще признания истории ее мысли в качестве единственно возможной философии. Европоцентризм следует трактовать, скорее, как комплексный феномен узнавания, распознавания новоевропейцами самих себя во времени и в пространстве: с одной стороны, существует уникальность региона, по отношению к которому должны быть определены позиции иных региональных традиций, и при этом новоевропейец как цивилизационный тип должен поставить под сомнение свое происхождение.

«Поставить под сомнение» в данном случае означает критическое исследование преэминентности западноевропейской метафизики античной и средневековой мысли – и вообще обоснование такой сугубо современной, модерной историко-философской перспективы. Впервые такой критический проект, пожалуй, предложил М. Хайдеггер в своем двухтомнике «Ницше» и в последствии вышедшем из него сочинении «Европейский нигилизм» [12, с. 27–224]; еще одним исходным и существенным критическим разбором новоевропейской личности можно признать размышления Э. Гуссерля «Кризис европейских наук» [13]. Расширяющееся поле антропологических исследований также оказало влияние на историко-философские поиски: пристальное внимание современных исследователей все чаще обращает на себя история региональной мысли в контексте региональной культуры (от русской и американской до бразильской и южноафриканской). В этом смысле можно говорить о том, что историко-философские исследования позволяют зафиксировать становление и развитие потребности к самосознанию у региональных культур. Нашу мысль пояснит исследование случая критики полезности историко-философских штудий для самостоятельного философствования, характерной для представителей аналитической традиции⁷.

Философы-аналитики нередко высказываются в том смысле, что история философии не играет для них как для представителей науки сколько-нибудь важной роли. Можно сказать, что импульс подобного пренебрежительного отношения был сформулирован У. Куайном в знаменитом афоризме: «Есть два вида людей, интересующихся философией: те, которые интересуются самой философией, и те, кого интересует история философии» [15, р. 869].

Поскольку философия с точки зрения философов-аналитиков ничем не уступает по точности и строгости своего арсенала и инструментария естественнонаучным дисциплинам, следует признать, что она имеет дело с внеисторическими проблемами [15, р. 869]. Таким образом, для них история философии не является важной философской дисциплиной, если только речь не идет о специальном анализе памятников и документов философской мысли. Впрочем, не все соглашались с этим – например, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ, д. ф. н., проф. В. В. Васильев в своих выступлениях подчеркивает, что для него, как для аналитика, история философии (наряду с логикой) является неотъемлемой составляющей строгости философского исследования. Однако и он признает, что можно и должно говорить о прогрессе в философии, что возможно решать ясно и отчетливо поставленные задачи средствами кабинетной философии, минимализируя историко-философскую разработку проблемы, а также и то, что философия по сути своей имеет дело с метапроблемами, то есть проблемами, находящимися вне пределов и границ того или иного периода истории, которые можно назвать «базовыми естественными убеждениями, естественными установками» [16, с. 22]. Иными

⁷ Далее мы развиваем идеи о характерном для философов-аналитиков антиисторизме, высказанные в статье [14, с. 89–90].

словами, философия достаточно самостоятельна в постановке своих актуальных проблем, и дисциплина истории философии не может снабдить исследователя сколько-нибудь значимыми данными или прояснить постановку той или иной задачи.

С этой точки зрения историк философии и философ занимаются разными видами деятельности. Философское исследование не должно превращаться в экзегетическое, поскольку исторические примеры решения тех или иных проблем не могут помешать или поспособствовать деятельности философа здесь и теперь. Философия чужда историцизму, и в этом смысле никакого дополнительного знания история проблемы для ее решения не несет. Правда, можно найти немало сторонников иной точки зрения, которая особенно распространена среди тех, кто не признает философию наукой. Эту точку зрения нашла свое выражение в афоризме, приписываемом американскому логик Бёртону Дребену (1927–1999): «Философия – это чушь, но история чуши – это наука» [15, р. 873]. То есть особое внимание обращается именно на методологическое различие между собственно философским исследованием и историей тех форм, которые они принимали в прошлом.

Присущий историкам философии понимающий подход (в гуманитарном знании разработанный также в сочинениях М. Вебера, Г.-Г. Гадамера, К. Леви-Стросса и др.) направлен всегда на выявление различий и разнообразия в способах и подходах к рациональному постижению действительности. В подобных исследованиях всегда принимается во внимание историко-культурный контекст, в рамках которого были поставлены те или иные проблемы; иначе говоря, постановка вопроса Аристотелем, Фомой Аквинским и Берtrandом Расселом неодинакова в силу различных исторических и цивилизационных обстоятельств их жизни. Однако в аналитической традиции существует имеющих своих сторонников (П. Ф. Стросон, Д. Дэвидсон) [15, р. 877] тенденция, которая отрицает описанное разнообразие. Например, Питер Стросон настаивал на том, что его логические исследования оснований метафизики затрагивают вневременные, универсальные характеристики мышления: «Если современная логика имеет то значение, которое мы склонны ей приписывать и которое предполагается нашим современным стилем философствования, то она должна отражать фундаментальные характеристики нашего мышления о мире. <...>» [17, с. 11]. При этом Стросон подчеркивал, что опирается в своей мысли на идеи Г. Фреге и – изначально – И. Канта, который, может быть, впервые провозгласил принципиально вневременной характер предложенного и разработанного им трансцендентального метода [17, с. 11–12; 18, р. 96].

И все же важно заметить, что подход, связанный с выяснением подобий и неподобий концептуальных схем в истории мысли позволяет поставить вопрос вполне в кантовском духе, а именно: при помощи каких особенностей и внутренних установок человека, принадлежащего данной конкретной культуре, объяснить созданную им в процессе познания систему мира? Разумеется, в этом случае мы также имеем дело с определением чего-то по сути своей внеисторического, но это вовсе не означает, что исследование может быть проведено помимо реконструкции историко-философского контекста. Интересно отметить, что так же понимают свою

задачу и представители истории науки: «<...> что касается истории науки, то, как мне представляется, ее задача – не столько оценивать те или иные теории, высказывания и суждения на предмет их истинности, сколько попытаться понять, что именно двигало исследователями прошлого, каковы были их мотивации, их принципы и стратегии. Иными словами, сверхзадача истории науки – изучение исторически-обусловленных усилий человека познать то, что по своей сути не исторично» [19, с. 40].

Таким образом, получается, что история философии, историография – это способ признания разнообразия в исследованиях парадигмальных особенностей и различий наряду с культурной антропологией [15, р. 878]. В сущности, именно историко-философский материал и методы исследований позволяют преодолеть сложившийся новоевропейский эгоцентризм, принимая во внимание, что в странах, в которых аналитическая традиция существует уже достаточно давно она, тем не менее, вынуждена отстаивать свои права в противостоянии традиционным стилям философствования. Так, например, в Китае традиционные философские течения стремятся утвердить присущие китайской культуре образ и стиль мышления, противостоя универсализирующему влиянию англо-американской традиции [20, р. 4 ff.]. Следовательно, разработанный исследователями понимающий подход в истории мысли, который активно используется в континентальной традиции, оказывается востребованным и для того, чтобы понять способ взаимодействия региональных философских стилей с международным мейнстримом. А это, по существу, роднит историко-философскую рефлексию с антропологической.

2

Открытое в XIX веке историческое измерение человеческой деятельности⁸ дало возможность обосновывать актуальную повестку дня историческими предпосылками. При этом важно то, как фактически оно было обосновано: собственно предпосылки и логические и исторические связи между отдельными фактами оказались оттеснены на второй или даже на третий план. В области политической философии, особенно в той ее дисциплинарной части, которая касается теории и практики принятия решений, такой квазиисторический подход стал неременным условием успешной аргументацией того или иного решения.

В частности, это хорошо заметно на примере того, как и на какие исторические предпосылки обращают внимания теоретики современной демократии, трактуя их в качестве инструмента контроля и экономического и политического доминирования. Например, сравнивая понимание прогресса либеральной демократии в уловных странах Запада и Китайской Народной Республике, Марк Леонард пишет: «Поскольку идеи свободного рынка распространились по всему миру, принципы либеральной демократии зачастую следуют в их кильватере. Только за последние тринадцать лет более шестидесяти

⁸ Альтюссер связывал это открытие с именем Карла Маркса – см.: [21].

стран выбрали демократические принципы для своего развития. Американский ученый Самюэль Хантингтон называл это явление “Третьей волной демократизации” (первая волна зародилась в начале XIX века, вторая возникла сразу после Второй мировой войны)» [22, с. 195]. Совершенно очевидно, что помимо собственно практических (идеологического, политического, экономического и проч.) аспектов, здесь налицо неубедительность для современного Китая подобного рода исторических обоснований. Однако для страны, принимающей такое обоснование, оно – помимо указанных политических аспектов и практических следствий – влечет за собой еще и особую идентификацию со странами условного Запада. Китай, изначально свободный от этого и стремящийся представлять на мировой арене свою собственную цивилизационную (во всеми практическими следствиями) модель, имеет возможность сомневаться в приемлемости такой исторической логики и, соответственно, предлагать мировому сообществу такие принципы, которые могли бы стать основанием для идентификации иных стран и государств с Китаем – условными странами Востока.

С другой стороны, историки философии предоставляют фактический материал для иных, граничащих с ними гуманитарных областей и дисциплин. Известно, насколько историко-философские штудии важны для гендерных исследований – на них основываются не только отдельные статьи на эти и смежные темы, но и обширные энциклопедические издания посвященные, например, женщинам в истории⁹. Очевидно, что подобные проекты возникают потому, что философская рефлексия стремится к охвату все большего фактического материала, который вписывается в пространство философии в силу того, что история философии способна его легитимировать. Интересными примерами этого выступают критические исследования, касающиеся такой важной проблемы современной политологии, как анализ демократических тенденций в развитии конфуцианства [24] и даже вообще условия его выживания как учения в глобализирующемся мире [25]. Важно понимать, что подобного рода исследования возможны, по сути, только тогда, когда создан историографический «общий знаменатель», позволяющий сопоставлять прежде несопоставимые в рамках новоевропейской метафизики величины. Историко-философский подход здесь играет роль такого же особого инструмента понимания и выявления сходств и различий, который оказывается важен для преодоления европоцентризма. Само употребление понятия «восточная философия» имеет сегодня достаточно условный характер и концептуально применяется теперь, пожалуй, лишь в пропедевтических целях. Использование же историографического или компаративного метода позволяет указать на истоки самой методологической рефлексии новоевропейцев, начавшейся с радикального сомнения романтиков XIX века в исключительности естественнонаучного и технического мировоззрения: «Говоря так, можно признать, что сопоставление конфуцианской традиции с западноевропейской современностью

⁹ См.: [23]. Особенный интерес для нашей темы представляют статьи из т. 2 «History and Historiography» (pp. 458–463) и «History of Women» (pp. 463–471).

на самом деле является побочным продуктом более ранних форм критики модерна, который был привнесен в Китай вместе с доминирующими западноевропейскими моделями модернизации» [26, p. 23].

Вместе с тем мы видим, что сегодняшнее положение обязывает историков мысли к большему профессионализму, который смог бы предостеречь и самих исследователей, и их дисциплину как от тенденциозности, так и от поверхностных обобщений, нередко оборачивающихся популизмом. Утверждать об исторических предпосылках, выявленных строгим историографическим анализом фактах или о логике исторического процесса можно только принимая во внимание, созданы ли необходимые условия легитимации исторического сопоставления. Поэтому нередко историко-философский поиск оказывается связан с обсуждением и осмыслением условий возникновения тех или иных учений безотносительно вынесения суждений об их истинности или ложности. Ярким примером является случай со знаменитым переводчиком Аристотеля У. Д. Россом: «После одной из лекций какой-то студент спросил его о том, прав ли Аристотель. Росс ответил: “Мальчик мой, Вы не должны задавать мне такие вопросы. Я лишь пытаюсь выяснить, о чем думал Аристотель. Выяснить, истинно ли то, о чем он думал, – это не мое дело, а философов”» [15, p. 883].

Таким образом, историограф способствует возникновению собственно философской дискуссии, которая может иметь не только сугубо академический интерес и нередко выходит за пределы университетской аудитории. И одновременно он действует как антрополог, умело интерпретируя те или иные особенности мысли тех или иных философов, причем от точности его интерпретации нередко зависит адекватность понимания не только самой мысли философа прошлого или настоящего, но и наш собственный современный интерес к иным формам философской рефлексии. То же можно сказать и о необходимости переводов философских текстов и проблеме их постоянного обновления¹⁰.

Заключение

Мы успели указать на идейное родство, характерное для философской историографии и истории науки; в самом деле, нередко историки философии действуют именно как историки науки, и публикуемые ими работы стремятся дополнить имеющиеся знания и сведения, расширить научную эрудицию. Ярким примером подобного подхода являются составление столь популярных в зарубежных университетах словарей (Dictionaries), охватывающих деятельность тех или иных значимых философов [30; 31], и компендиумов (Companions to), посвященных как отдельным мыслителям, так и актуальному состоянию дел в той или иной отрасли философского знания [32; 33]. Нередко подобные издания представляют результат деятельности исследовательских групп тех или иных

¹⁰ Показательным примером здесь выступает опубликованный недавно новый перевод «Метафизики» Аристотеля [27] и восприятие его в академической среде [28; 29].

университетов. Нужно иметь в виду, что такие издания не только способствуют отчетности и повышению показателей цитируемости сотрудников университетов, но также выполняют важную дидактическую функцию – формируют публику, которая могла бы с помощью таких пособий заинтересоваться и войти в курс актуальных философских, в том числе и историко-философских, исследований.

Важно отметить, что прямым следствием гуманитарных исследований является критика (в широком смысле) актуальной социокультурной ситуации. Воспитательная, практическая функция философии широко распространилась за пределы университетских аудиторий, тем самым провоцируя и способствуя общественной дискуссии об общепринятых ценностях и идеалах. Начиная с 1930-х гг. философы решительно ворвались в медийное пространство и стали необъемлемыми игроками на информационном рынке. Помимо идеологических предпосылок, такой выход на широкую аудиторию был ознаменован тем, что философская мысль почувствовала в себе достаточно сил не стесняться более размерами университетской аудитории. Собственно, первые массовые выступления свободных, политически ангажированных интеллектуалов были связаны с проблемами переустройства университетов. Такие мыслители, как Х. Ортега-и-Гассет, М. Шелер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, Б. Рассел, В. И. Вернадский – примеров можно привести массу, – во многом стремились повлиять на происходящие в современном обществе настроения, воздействовать на мировоззрение людей, как бы следуя знаменитому 11 тезису о Фейербахе о том, что дело заключается в изменении, а не объяснении мира философами. Уже к середине XX столетия сформировалась социальная группа интеллектуалов, которые понимали свою задачу в том числе и в практическом ключе: Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. Хомский, К. Поппер, советские диссиденты и многие другие стремились связать свои интеллектуальные поиски с практическим воздействием на общество. Следствием такой активной работы именно в широком медийном пространстве стало переосмысление сложившихся культурных и общественно-политических стереотипов.

Какое же отношение к этому процессу имеют историки философии? Прежде всего, в их трудах мы можем почерпнуть методологический инструментарий для продуманных, весомых высказываний, артикуляция которых в современном наэлектризованном информационном пространстве оказывается сопоставимым с реальной социальной практикой. Кроме того, нам удалось выявить и антропологический аспект историко-философского ремесла, проблематизирующий в том числе и те условия новоевропейского самосознания, в рамках которых рефлексия третьего порядка оказалась возможной и плодотворной. Антропологический вектор здесь вполне закономерен, поскольку именно в этом направлении задается дальнейший порядок действий в социо-политическом пространстве; нынешняя политическая ситуация с ее стремлением к позиционному противостоянию сторон склонно к антропологическому анализу как союзников, так и противников. В этом смысле историография «теории политики», как называл философию Л. Альтюссер, оказывается незаменимым орудием правильного

стратегического понимания и тактического мышления в условиях реальной политики.

Список литературы

1. Models of the History of Philosophy / ed. G. Piaia, G. Santinello. – New York, Springer, 2011.
2. Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002. - 424 с.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. - 485 с.
4. Фрайер Х. Макьявелли. СПб.: Владимир Даль, 2011. - 350 с.
5. Althusser L. Politics and History. Montesquieu, Rousseau, Hegel and Marx. New Left Books, London, 1972. - 192 p.
6. Lahtinen M. Politics and philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's aleatory materialism. Leiden, Boston, Brill, 2009. - 327 p.
7. Инер Э. Образцы стойкости. Послесловие // Фрайер Х. Макьявелли. СПб.: Владимир Даль, 2011. - С. 288–350.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 383 с.
9. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. - 252 с.
10. Магун А. В. Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 544 с.
11. Бадью А. Обстоятельства, 3: Направленности слова «еврей». СПб.: Академия исследования культуры, 2008. - 144 с.
12. Хайдеггер М. Ницше. СПб: Владимир Даль, 2007. - Т.2.
13. Гуссерль Э. Кризис европейских наук. СПб: Владимир Даль, 2004. - 399 с.
14. Львов А.А. Историк философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 4. - С. 84–94
15. Glock H.-J. Analytic Philosophy and History: A Mismatch? // Mind, New Series, Vol. 117, No. 468 (Oct., 2008). P. 867–897.
16. Васильев В. В. Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. - 240 с.
17. Брюшинкин В. Н. Логика Канта и метафизика Стросона // Кантовский сборник. – 2011. – № 3 (37). – С. 7–17.
18. Alvarez M. Glock on Analytic Philosophy and History // Teorema: Revista Internacional de Filosofía, Vol. 30, No. 1, Simposio sobre el libro / Book Symposium: What is Analytic Philosophy? (2011), pp. 95–102.
19. Дмитриев И. С. «Это логика, а не мышление» (Н. Бор) // Эпистемология и философия науки. 2017. - Т. 51. - № 1. - С. 39–41.
20. Jiang Y., Bai T. Studies in analytic philosophy in China // Synthese, Vol. 175, No. 1, Analytic Philosophy in China (July 2010), pp. 3–12.
21. Альтюссер Л. Ленин и философия. – М.: Ad Marginem, 2005. – 175 с.
22. Леонард М. О чем думают в Китае? М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. - 222 с. 42
23. Smith V. G. The Oxford Encyclopedia of Women in History. Oxford, 2008. 4 vols.
24. Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3226> (Дата обращения: 20.06.2019).
25. Rozman G. Can Confucianism Survive in an Age of Universalism and Globalization? // Source: Pacific Affairs, Vol. 75, No. 1 (Spring, 2002), pp. 11–37.
26. Fröhlich T. Tang Junyi: Confucian Philosophy and the Challenge of Modernity Book. Leiden, Boston, Brill, 2017. 324 p.
27. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Маркова. М.: Рипол-Классик, 2018. - 384 с.
28. Гринцер Н., Щербакова Е. Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А.В. Маркова. М., 2018 // Вестник древней истории 2019. Том 79. Выпуск 1 [Электронный ресурс]. URL:<http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (дата обращения: 20.06.2019).

29. Юнусов А. Т. «Бессильная невозможность»: о новом переводе «Метафизики» Аристотеля // Историко-философский ежегодник. - 2018. - Т. 33. - С. 361–385.
30. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Wiley-Blackwell, 1999. 300 p.
31. The Cambridge Descartes Lexicon / ed. L. Nolan. Cambridge University Press, 2016. 778 p.
32. A Companion to Socrates / eds. S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar. Oxford, Blackwell Publishing, Ltd., 2006. 520 p.
33. Dao Companion to Neo-Confucian Philosophy / ed. J. Makeham. Springer, 2010. 488 p.

Lvov A.A. Social-political and Critical Aspects in Contemporary History of Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. P. 51–62.

Historians of philosophy are got used to the topical political or resonance social agenda. Although their studies are widely considered as specific, it is historians of philosophy who are brought to the foreground of challenges in contemporary Humanities. The paper demonstrates, that the historiography of history of philosophy, being the third-degree reflection, provides us with a new perspective of a standard school problem, namely, that the one who thinks historically, indeed changes the current order of things with his act of historically founded thought, rather than problematize it or is anxious about its reevaluation. It is important for us to understand, which methodological strategies the historians of philosophy elaborate nowadays, how deeply they are involved into the discussion of topical social, political, and cultural issues, an what kind of critical apparatus is on demand in the Humanities. Historical-philosophical investigations allow to fix the origin and development of the demand for self-consciousness in the local cultures: the paper deals with a quite characteristic in the analytic philosophy case of criticism of history of philosophy's usefulness in an independent philosophizing. The historical-philosophical approach plays a part of an instrument of understanding (*Verständnis*), and the discovery of similarities and differences. All this helps to overcome an innate bias of modern philosophy to the Eurocentrism. Thus, the history of philosophy, historiography appears to be (along with anthropological studies) a means of recognition and acknowledgement of variety in the studies of paradigm specificities and differences.

In the works of historians of philosophy we can find the methodological apparatus for thoroughly considered and ponderable propositions, to articulate which in the present highly charged information milieu could be compared with the real social practice. Within the field of Humanities the critical context of history of philosophy helps us to overcome the engagement of a philosopher and find considerable answers to social and political challenges. Besides, we detects the anthropological aspect of historical-philosophical craft, which problematizes the terms of the modern self-consciousness, in the frameworks of which the third-degree reflection becomes possible.

Key words: Historians of philosophy, anthropological studies, challenges in the Humanities, socio-political context of history of philosophy, critical context of history of philosophy, antihistoricism in analytic philosophy, the Eurocentrism.

References

1. Models of the History of Philosophy / ed. G. Piaia, G. Santinello. New York, Springer, 2011.
2. Zhmud' L. Ya. Zarozhdenie nauki v antichnosti [The origin of Science in Antiquity]. St. Petersburg, RKhGI, 2002, 424 p.
3. Kollingwud R. Ideya istorii [The Idea of History]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 485 p.
4. Fraier Kh. Mak'yavelli [Vachiavelly]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2011, 350 p.
5. Althusser L. Politics and History. Montesquieu, Rousseau, Hegel and Marx. New Left Books, London, 1972, 192 p.
6. Lahtinen M. Politics and philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's aleatory materialism. Leiden, Boston, Brill, 2009, 327 p.
7. Iner E. Obraztsy stoikosti. Posleslovie [The Samples of Resistance. Afterword]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2011, P. 288–350.
8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 383 p.

9. Fuko M. Rozhdenie kliniki [The birth of Clinic]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 252 p.
10. Magun A. V. Edinstvo i odinochestvo. Kurs politicheskoi filosofii Novogo vremeni [Openess and Loneliness: A Course of Political Philosophy of Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 544 p.
11. Badyu A. Obstoyatel'stva 3: Napravlenosti slova "evrei" [Circumstances 3: Directions of the Word "Jew"]. St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 2008, 144 p.
12. Khaidegger M. Nitsshe [Nietzsche]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2007. Vol. 2.
13. Gusserl' E. Krizis evropeiskikh nauk [The Crisis of European Sciences]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p.
14. L'vov A. A. Istoriki filosofii v poiske osnovaniy svoey distsipliny: status istorii filosofii i istoriko-filosofskaya rabota [Historians of Philosophy in Search for the Foundations of Their Discipline: The status of History of Philosophy and Historical-philosophical Job]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology]. 2017. Vol. 3 (69). № 4. P. 84–94.
15. Glock H.-J. Analytic Philosophy and History: A Mismatch? // Mind, New Series, Vol. 117, No. 468 (Oct., 2008). P. 867–897.
16. Vasiliev V. V. Soznanie i veshchi: ocherk fenomenalisticheskoy ontologii [Consciousness and things: A sketch of phenomenalist ontology]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. 240 p.
17. Bryushinkin V. N. Logika Kanta i metafizika Strosona [Kant's Logic and Strawson's Metaphysics]. Kantovskiy sbornik, 2011, № 3 (37), P. 7–17.
18. Alvarez M. Glock on Analytic Philosophy and History // Teorema: Revista Internacional de Filosofía, Vol. 30, No. 1, Simposio sobre el libro / Book Symposium: What is Analytic Philosophy? (2011), pp. 95–102.
19. Dmitriev I. S. «Eto logika, a ne myshlenie» (N. Bor) ["It is logic, not thinking" (N. Bohr)] // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2017. vol. 51. № 1. P. 39–41.
20. Jiang Y., Bai T. Studies in analytic philosophy in China // Synthese, Vol. 175, No. 1, Analytic Philosophy in China (July 2010), pp. 3–12.
21. Althusser L. Lenin i filosofiya [Lenin and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2005, 175 p.
22. Leonard M. O chem dumayut v Kiyae? [What does China Think?] Moscow, AST: AST MOSKVA, 2009. 222 p.
23. Smith B. G. The Oxford Encyclopedia of Women in History. Oxford, 2008. 4 vols.
24. Fukuyama F. Konfutsianstvo i demokratiya [Confucianism and democracy]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3226> (access date: 20.06.2019).
25. Rozman G. Can Confucianism Survive in an Age of Universalism and Globalization? // Source: Pacific Affairs, Vol. 75, No. 1 (Spring, 2002), pp. 11–37.
26. Fröhlich T. Tang Junyi: Confucian Philosophy and the Challenge of Modernity Book. Leiden, Boston, Brill, 2017. 324 p.
27. Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. Trans. by A. V. Markov. Moscow, Ripol-Klassik, 2018, 384 p.
28. Grintser N., Shcherbakova E. Aristotel'. Metafizika. Perevod s drevnegrecheskogo, vstupitel'naya stat'ya i kommentariy A. V. Markova. Moscow, 2018 [Aristotle. Metaphysics. Translation from ancient Greek, Introduction and Commentary by A. V. Markov. Moscow, 2018] // Vestnik drevney istorii, 2019. Vol. 79. № 1. URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (Accessed: 20.06.2019).
29. Yunusov A. T. Bessil'naya nevozmozhnost: o novom perevode «Metafiziki» Aristotelya [Powerless impossibility: on the new translation of Aristotle's "Metaphysics"] // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 2018. Vol. 33. P. 361–385.
30. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Wiley-Blackwell, 1999. 300 p.
31. The Cambridge Descartes Lexicon / ed. L. Nolan. Cambridge University Press, 2016. 778 p.
32. A Companion to Socrates / eds. S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar. Oxford, Blackwell Publishing, Ltd., 2006. 520 p.
33. Dao Companion to Neo-Confucian Philosophy / ed. J. Makeham. Springer, 2010. 488 p.